

PR И СМИ В КАЗАХСТАНЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 23

Составитель и главный редактор
Л.С. Ахметова

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ PR ЖӘНЕ БАҚ

Ғылыми еңбектер жинағы

23-шығарылым

Құрастырушы және бас редакторы
Л.С. Ахметова

*Свидетельство о государственной регистрации прав
на объект авторского права № 133 от 18 февраля 2013 г.
«Қазақстандағы PR және БАҚ. Ғылыми еңбектер жинағы» –
«PR и СМИ в Казахстане. Сборник научных трудов» на Ахметову Л.С.*

Составитель и главный редактор

д.и.н., профессор Л.С. Ахметова

Редакционная коллегия:

Адилова Л.Ф. – д.п.н., профессор, Москва, Россия
Brussig B. – член Немецкой ассоциации журналистов, Берлин, ФРГ
Дзялошинский И.М. – д.ф.н., профессор, Москва, Россия
Джунушалиева Г.Д. – д.и.н., профессор, Бишкек, Кыргызстан
Жданова И.В. – к.н., доцент, Киев, Украина
Корконосенко С.Г. – д.ф.н., профессор, Санкт-Петербург, Россия
Лебедева Н.А. – д.ф.н., профессор, Киев, Украина
Мадиев С.Ш. – к.ф.н., доцент, Алматы, Казахстан
Моулд Д. – профессор, Огайо, США
Окай А. – профессор, Стамбул, Турция
Романенко Е.А. – д.н., профессор, Киев, Украина
Ружин В.Д. – к.ф.н., Президент ЕАТР, Москва, Россия
Шорохов Д.П. – к.ф.н., член Союза художников РК
Шынгысова Н.Т. – д.ф.н., профессор, Алматы, Казахстан

Р 90 **PR и СМИ** в Казахстане: сборник научных трудов. – Қазақстандағы
PR және БАҚ; ғылыми еңбектер жинағы / сост. и гл. ред. Л.С. Ахметова. –
Вып. 23. – Алматы: Қазақ университеті, 2022. – 380 с.

ISBN 978-601-04-6059-1

Сборник научных трудов содержит материалы, посвященные PR и СМИ, проблемам и перспективам гуманитарных наук. Сборник предназначен для журналистов, работников пресс-служб, студентов и магистрантов специальностей «Журналистика», «Связь с общественностью», «Издательское дело», медиапедагогов, других гуманитарных дисциплин, ученых-исследователей. В 23 сборнике – статьи из Казахстана, России, Украины, Кыргызстана. Статьи написаны на казахском, русском и английском языках.

УДК 070.378

Г.Д. Джунушалиева
А.В. Ковалева
Б.Б. МаксUTOва

Безопасность медиапространства в контексте правового регулирования и права доступа к информации¹

Введение

Медийное пространство является существенной частью социального пространства ядром, которого выступает массовая информация. Все объекты (государственные институты, общественные организации, социальные группы и индивиды), так или иначе связанные с производством и потреблением информации, включаются в это пространство. Можно говорить, что медиапространство представляет собой систему отношений по производству и потреблению массовой информации, которая должна и определяется рамками, заданными нормативно-правовыми документами государства.

Медиапространство претерпело значительные структурные изменения с внедрением и распространением информационно-коммуникационных технологий. Причины роста значимости медиапространства в жизни общества и государства связаны:

- с виртуализацией социальных процессов, которые переместились в интернет пространство и создают определенные сложности в нормативно-правовом регулировании информационных потоков;
- цифровизацией повседневности общества и деятельности госорганов, которая уже очерчивает будущие контуры взаимоотношений государства и социума [4]. Ввели даже такой термин как «управление без государства»;

---

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

▪ мощным потенциалом рисков и угроз безопасности и устойчивости социального порядка [5], который требует особых форм работы с протестными движениями [4].

Медиaprостранство современности обеспечивает условия полноценного протекание коммуникативных процессов в виртуальном и социофизическом форматах. Психологи обратили внимание на тот факт, что вторичность виртуального бытия по отношению к реальному не исключает переноса коммуникативных норм и правил интернета в коммуникативные ситуации физической реальности. Цифровые технологические возможности позволяют осуществлять систематические, повторяющиеся длительный период агрессивные действия группы или индивида по преследованию кого-либо в виртуальном пространстве. Это явление пока не получило устоявшейся терминологической классификации (cyber mobbing, cyberbullying, trolling, flaming, cyber harassment, cyber-stalking, etc.). Типичными действиями по преследованию человека являются распространение заведомо ложной информации о нем, насмешки, провокации, оскорбления и запугивания, которые могут приводят к общественной изоляции, унижению чести и достоинства человека, причинению материального и физического ущерба. Цифровые технологии и интернет сняли ограничения массовости аудитории, скорости распространения информации, дали доступ к персональным данным аккаунтов пользователей социальных сетей, обеспечили анонимность преступникам.

В глобальной коммуникационной практике нарастает тенденция преследования публичных лиц, которые высказывают скепсис по отношению каких-либо социально-политических процессов внутренней или внешней политики государства, привлекающего наибольший интерес мировой или национальной общественности. Мировой индекс свободы прессы до 2021 года отмечает, что «журналистика – это вакцина от дезинформации» [4]. Статистика международного рейтинга указывает на то, что в ряде стран доступ к информации или к ее источникам ограниченно по причинам кризиса в области здравоохранения, что препятствует расследованию и раскрытию деликатных социально-политических тем, особенно в Азии, Ближнем Востоке и Европе. По мнению генерального секретаря Christophe Deluar of Reporters Sans Frontiers (RSF) журналистика столкнулась «... с вирусностью

трансграничной дезинформации на цифровых платформах и в социальных сетях...» [5]. Страны постсоветского пространства в соответствии с индикаторами ограничения журналистской деятельности в 180 странах дают разные результаты: Эстония (15), Латвия (22), Литва (28), Грузия (60), Армения (63), Кыргызстан (79), Молдова (89), Украина (97), Россия (150), Казахстан (155), Узбекистан (157), Беларусь (158), Таджикистан (162), Азербайджан (167), Туркменистан (178) [5]. Данные рейтинга свидетельствуют, что проблема доступа к информации и корректное ее использование остается достаточно проблемным полем, на котором реализуются различные политические проекты, направленные против государственной власти или политических деятелей.

Сетевая коммуникация определяет формат социальных и политических отношений в цифровой среде [13], особенно оппозиционно настроенной к действующей власти [7, с. 8]. Новые реалии современной социально-политической жизни в условиях применения технологий и интернет-ресурсов во многом требует регулирования массовой цифровой коммуникации. Государство вполне четко осознает политический потенциал цифрового пространства, поэтому в большинстве стран нормативные акты, регулирующие отношения в цифровой коммуникации, затрагивают политическую сферу (наказание за оскорбление власти).

Каждое государство пытается самостоятельно решить вопросы контроля цифровых сервисов и платформ, ввести ограничения на их деятельность и на возможность пользования их услугами гражданскими структурами и обществом. Сценарии цифровизации социально-политического пространства государства имеют широкий спектр от отказа от регулирования цифрового пространства для снижения государственного контроля над обществом (США) до контроля национальными сегментами, который должен обеспечить информационную безопасность и минимизировать внешнее информационное вмешательство (Россия, Китай, Иран). В основе этих сценариев лежит потребность в контроле общественным массовым сознанием, управление массовым поведением и изменение массовых представлений, что создает угрозы для устойчивого развития государств, которые могут быть объявлены недемократичными и стать мишенями насильственной демократизации.

Китайская Народная Республика определила для себя стратегию по применению современных технологий в социальной и политической жизни своих граждан. «Система социального кредитования» [15], которая апробируется готовится китайскими властями и подготавливается к внедрению по всей территории государства. В самом общем виде данная система представляет собой экосистему цифровых данных, в которых хранится актуальная информация о поведении граждан, компаний и государственных органов. Высокий индивидуальный рейтинг гражданина, привязанный к QR-коду будет открывать или ограничивать доступ к социальным льготам и благам. Сама система пока еще не получила законченного вида, многие позиции все еще обсуждаются. Многие эксперты подчеркивают, что одобрение населения КНР внедрения системы социального кредитования обусловлено исключительно социокультурными особенностями китайцев [7]. Навряд ли столь масштабную систему слежения за населением может себе позволить какое-то государство. Такой проект в принципе очень капиталоемкий и требует лояльного отношения к власти со стороны общества. Тем не менее государства постсоветского пространства пытаются осуществлять контроль за медийным пространством в контексте обеспечения информационной безопасности и отслеживания протестных настроений.

Результаты

Для решения задачи совершенствования правового регулирования медиапространства требуется: ориентация на международные рейтинги свободы доступа к информации как точка отсчета для определения направлений работы, которые должны опираться на этические кодексы общественных профессиональных сообществ и аналитические выкладки электронных программ по отслеживанию в социальных сетях и онлайн сообществах информации подрывного и экстремистского содержания.

Discussion

Развитие социальных сетей [2], разнообразие интернет-площадок, новые медиа, в которых индивиды становятся самостоятельными производителями и потребителями контента, способствуют укреплению институтов гражданского общества. А

само гражданское общество и коммуникация внутри и за его пределами приобретают новые качества, когда этничность, религиозные и социокультурные особенности перестают быть разъединяющими факторами. Технологии позволяют поддерживать межличностную коммуникативную связь с высокой степенью интерактивности в зависимости от индивидуальных особенностей коммуникантов. В тоже время медийная коммуникация нацелена на аудиторию, которая сегментирована по определенным признакам, но в основе своей остающаяся абстрактной группой пользователей/получателей.

В современных условиях идентичность может строиться уже не формате андерсоновского «воображаемого общества» [6] на принципах этничности, религии или языка. Индивид получает возможность самому определить свою социальную группу или общество посредством медиа. Пока этот процесс еще только разворачивается, но новые поколения детей не зря называют поколениями зет и альфа [7]. Человечество вступило в полосу обновления культурного кода человечества. Мы все еще пользуемся старым набором понятий и представлений, но растущее поколение детей выбирает само что и как смотреть в сети, они активно создают новый самостоятельный контент [12]. Для завоевания такой аудитории приходится применять совершенно новые культурные, поведенческие и визуальные подходы [10]. Наиболее распространенными форматами являются: пранки, челленджи, анпакинги, ситкомы, стримы и пр. Дети, трансформируя старые форматы, изобретают новые типы контента. Так, они, играя в компьютерные игры, используют let's play формат (записывается прохождение игры и выкладывается видеоблогом), дети по своему озвучивают героев видеоигры (занимает вторую строчку по популярности на Youtube и примерно пятую часть всего видеопотока ресурса. Контент, создаваемый сверстниками, наиболее популярен. Например, песня Baby Shark или Майнкрафт запустили волны многочисленных пародий и челленджей.

Эксперты в области медиалогии ввели в научный оборот новый термин «медийная экосистема» [14]. Эксперты дают определение этому термину: это интерактивная цельная система, формируемая контентом, технологиями и социальным контекстом [11].

С одной стороны, происходящие социальные процессы в медийном пространстве демократизируют коммуникационный обмен информацией, устраняют иерархические препятствия, повышают эффективность многих коммерческих и политических проектов. Однако технологическое обновление медийного инструментария (различные программы социальных ботов, применение маркетинговых стратегий в политических кампаниях, особенно избирательных, практика распространения фейковых новостей, стратегии по социальной мобилизации) привело к тому, что он стал ключевым элементом современных информационных войн. Общество, глубоко уходя в виртуальное пространство, еще не выработало защитных механизмов против отчуждения от социальной среды. Этот факт актуализирует вопросы этики, нравственности, психического здоровья (например, печально известная совсем недетская игра «Синий кит») и совершенствования правового регулирования медиaproстранства [8].

Каждое государство разрабатывает свои нормативно-правовые акты и судебную практику, которые коррелируют с понятием «цифровые права». Базовые положения о новых цифровых объектах связаны с внедрением цифровых технологий в экономическую и социальную сферы общества и государства. Эксперты акцентируют внимание на том, что информационное пространство несет в себе потенциал криминогенности, используется в противоправных целях и «создает угрозу информационной безопасности государства» [9].

Особенности правоприменения в условиях внедрения цифровых технологий по мнению многих исследователей требуют применения методологий конструктивизма и антропоцентризма, которые ставят субъекта права в основу правовой системы. По мнению В.В. Миронова, электронная культура поднимает целый пласт коммуникативно-психологических проблем, которые характеризуются низким уровнем осознания субъектом нравственных последствий его деяний. Современный мощный информационный поток приводит к поверхностному восприятию действительности индивидом, потере навыков критического анализа текстов. Это создает благоприятную среду для манипулирования правосознанием субъекта правоприменения.

Цифровая среда способствует распространению новой системы ценностей, которая неизбежно будет влиять на качество и сложность взаимодействия государства, права и общества. Цифровые технологии способствуют возникновению и распространению новых представлений, интерпретации старых ритуалов и мифов, порождая новые. Этот процесс существенно влияет на систему взглядов и мотивацию субъектов правоприменения. Юридическая техника принятия нормативно-правовых актов направлена на введение деятельности субъекта права в рациональные границы, а само правоприменение предсказуемым.

В настоящее время поднимается вопрос о цифровом законе, электронном формате правового акта, который может стать инструментом правового регулирования современных социальных отношений. Фактически речь идет об изменении форм применения юридической техники. Эксперты предполагают даже, что его внедрение негативно повлияет на легитимацию права и правоприменение. Прежде всего, это касается такого важного аспекта как проблема практической реализации норм цифрового закона.

Регулирование правоотношений в цифровых условиях нуждается в создании системы анализа цифровых доказательств, в которой уже сегодня можно спрогнозировать определенные противоречия и риски. Особое значение приобретают конкретные детали и механизмы воздействия на субъектов информационной среды.

Правовые нормы информационной сферы должны учитывать правовую сущность информационных процессов и их аспекты, в которых правовая защита представляет собой социальную значимость для индивида, социума и государства. Для этого требуется разработка понятийного аппарата и сфер их применения, классификации правонарушений в сфере информации, признаков правонарушений, несущих в себе общественную опасность, и системы достоверности доказательств.

В информационном пространстве расположено огромное количество различных сервисов, которые предоставляют пользователям свои услуги. Однако их правовое регулирование осуществляется в рамках гражданского и налогового законодательства. Правила пользования этими ресурсами устанавливаются их владельцами, которые указывают на свой отказ от несения ответствен-

ности за контент своих сайтов, перекладывая его на пользователя. Данный факт говорит о том, что и пользователь и владелец (иногда) в правовом отношении защищены слабо. Обеспечение правовых гарантий защиты прав пользователей и владельцев информационных ресурсов являются актуальным сегментом дальнейшего совершенствования законодательства. Пандемия COVID-19 сделала возможным удаленный режим работы сотрудников различных структур. И данный факт является еще одним фактором, требующим правового обеспечения в регулировании трудовых отношений, поскольку современная редакция трудовых кодексов постсоветских республик не позволяет это делать.

В европейских странах право на защиту персональных данных является частью права на защиту частной жизни. Во французской юридической практике рассматривается личная частная, которая затрагивает персональную жизнь, и социальная частная жизнь. Информационная сфера затрагивает именно социальную частную жизнь индивида, которая представлена в социальных сетях. Европейский суд по правам человека включил электронную переписку в право любой личности строить отношения с другими лицами [16]. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 15 декабря 1997 г. No 97/66/ЕС [1, с. 1-8] указывает на обязанность «...государства на уровне национального законодательства обеспечивать конфиденциальность коммуникаций, осуществляемых посредством общедоступной телекоммуникационной сети и общедоступных телекоммуникационных услуг» (п. 1 ст. 5).

Медиaprостранство нуждается в установлении правил поведения пользователей и владельцев интернет-ресурсов, которые позволят сохранить все многообразие форм информационной деятельности и минимизируют риски и угрозы безопасности общества и государства.

Геополитическая конкуренция на глобальном и региональном уровнях сопровождается борьбой с террористическими угрозами, которые несут ущерб безопасности государств и правам человека. Защита информационных ресурсов, обеспечение информационной безопасности выдвигается политическим руководством стран на первое место. Столкновение экономических интересов, политических проектов и территориальные претензии

осложняют межгосударственное сотрудничество и обмен информационными данными. Поэтому понятие «информационная война» получило вполне реальное содержание, которое реализуется во многих регионах мира в качестве геополитических проектов доминирования.

Заключение

Какие могут быть рекомендации по совершенствованию правового регулирования медиапространства?

Самый понятный и естественный механизм – принятие нормативных актов разного типа и уровня: требование наличия у печатного издания, аудио, видео или кино продукта знака информационной продукции. Однако есть и ряд других, неправовых способов регулирования ситуации в медиапространстве, которыми государства часто пользуются, но не афишируют:

- прямое и косвенное финансирование, прямой нажим, угрозы лишить финансовой, политической или интеллектуальной поддержки;
- прямой и косвенный подкуп: включение редакторов и журналистов в престижные клубы, комиссии, предоставление возможности поездок за рубеж, отдыха на известных курортах и т.д.;
- отказ в предоставлении информации или угроза лишить возможности получать информацию и т.п.

Существуют и различные международные рейтинги по оцениванию свободы доступа к информации, которые имеют под собой существенное обоснование – наличие мощного государственного сектора СМИ.

В государствах создаются общественные органы, призванные обеспечить «гражданскую составляющую» регулирования деятельности средств массовой информации. Они более оперативно откликаются на изменения в сфере производства и потребления информационного контента на рынке медиапродуктов и разрабатывают этические кодексы профессиональной деятельности. Поэтому такие общественные организации могут оказать существенную помощь в совершенствовании правового регулирования медийной сферы.

С нашей точки зрения вполне было бы оправданной практикой создавать IT-отделы, которые будут заниматься разработкой

программного обеспечения по отслеживанию актуального контента в социальных сетях и интернете сообщений, распространяющих информацию о незаконной деятельности. Они могут быть вневедомственного подчинения и работать на условиях социального заказа над проектами по сбору данных и отработки положений нормативно-правовых документов с целью обеспечения информационной и общественной безопасности государства.

Таким образом, вопросы совершенствования правового регулирования информационной сферы, обеспечения информационной безопасности общества и государства без ущемления свободы доступа к информации являются базовыми условиями жизни современного демократического социума.

Литература

1. Directive 97/66/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 1997
2. Komarova, O. V., Denisova, A. E., Belan, A. A., & Loskutnikov E. A. (2020). The Main Directions of Social Media Development. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17 (2), 497-502
3. Krishtal, M.I., Shchekoturov, A.V. (2020) Effective risk communication as a factor in managing protests attitudes in a local community, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 70-83. doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-5.
4. Morozova G.V., Fatikhova D.R., Ziiatdinova E.M. (2021) Communication Models of Local Self-Government as a Subject of Modern Russian Policy (Based on Local Self-Government Bodies of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 26, no. 2, pp. 246-254. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.19>
5. Romanova, T.A., Sokolov, N.I., Kolotaev, Y.Y. (2020) Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 53-67. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-4.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с
7. Андреева А. Разница поколений: какие они – Generation Z и идущие следом «альфы»? РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5>

8. Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Криез О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1: 17-35. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.102>
9. Бурлаков В.Н., Плоткина Л.Н., Шурова А.С. Ограничения права на распространение информации в Интернете в свете противодействия наркопреступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3: 550-562. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.302>
10. Гаспарян О.Т. Культурный код как инструмент реализации интенции продажи в современной рекламе //
11. Дзялошинский И.М., Пильгун М.А., Давыдов С.Г., Логунова О.С. Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов. М.: АПК и ППРО, 2015. -176 с.
12. Дунас Д.В., Варганов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Мотивационные факторы медиапотребления “цифровой молодежи” в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. 2020. №2. С.3-27.
13. Комарова О. В., Денисова А. Е., Белан А. А., Лоскутников Е. А. Основные направления развития социальных медиа // Журнал экономической теории. 2020. Т.17. № 2. С. 497-502. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.21> А
14. Уразова С.Л. Экосистема медиа в проекции технологических инноваций
15. Цифровая карма: как будет работать система социального кредита в Китае. РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5ca569a7947a00440ba11>
16. Чернышова Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 90-102. doi:10.17759/psylaw.2019090407

Аннотация. Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь граждан и их коммуникация с государственными органами меняет качество медийного пространства. Система отношений по производству и потреблению информации регулируется нормативно-правовой базой конкретного государства. Однако высокая скорость развития интернет-площадок, новых медиа и расширяющийся круг субъектов коммуникации не позволяют своевременно совершенствовать механизмы правового регулирования информационного пространства без ущемления конституционного права человека свободы доступа к информации. Проблема актуализируется еще и с активизацией протестных движений в постсоветских республиках, поскольку информационно-коммуникационные технологии позволяют существенным образом влиять на общественное мнение, формирование протестных настроений и дестабилизацию

общественного порядка. События в Беларуси и Кыргызстане в 2020 году являются уже почти хрестоматийными примерами применения ИКТ в социальной мобилизации общественных масс. Предлагаемые пути решения задачи совершенствования правового регулирования медийного пространства заключаются в ориентации на международные рейтинги свободы доступа к информации, чтобы понимать в каких позициях работа проводится не на должном уровне; тесном сотрудничестве с общественными профессиональными сообществами, которые быстрее реагируют на изменения в информационном пространстве; в социальном заказе стимулирования разработок программного обеспечения для отслеживания в социальных сетях и онлайн сообществах информации подрывного и экстремистского содержания.

Ключевы слова: медиaproстранство, нормативно-правовая база, безопасность, информационно-коммуникационные технологии, информация, социальные сети, правовое регулирование.

Gulmira Dzhunushalieva, Alla Kovaleva, Begayim Maksutova

Safety of media space in the context of legal regulation and the right of access to information

Abstract. The introduction of digital technologies into the daily life of citizens and their communication with government agencies changes the quality of the media space. The system of relations for the production and consumption of information is regulated by the regulatory framework of a particular state. However, the high speed of development of Internet sites, new media, and the expanding circle of communication subjects do not allow timely improvement of the mechanisms of legal regulation of the information space without infringing on the constitutional human right of freedom of access information. The issue is also actualized with the activation of protest movements in the post-Soviet republics since information and communication technologies can significantly influence public opinion, protest sentiments, and destabilize public order. The events in Belarus and Kyrgyzstan in 2020 are already almost examples of classical cases of the use of ICT in the social mobilization of the public masses. The offered ways of solving the problem of improving the legal regulation of the media space are to focus on international ratings of freedom of access to information. It is to understand in which positions the work is not carried out at the proper level; close cooperation with public professional communities that respond more quickly to changes in the information space; in social ordering to stimulate the software development for tracking information of subversive and extremist content in social networks and online communities.

Key words: Media space, regulatory and legal framework, safety, information and communication technologies, information, social networks, and legal regulation.